ЛЕКЦИИ

ДЕМОКРАТИЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, АГОНИЯ?

В лекционном разделе этого номера журнала мы предлагаем вниманию читателей вторую лекцию из нового цикла лекций известного исследователя проблем масс-медиа — доктора филологических наук, члена Правления Национальной ассоциации исследователей масс-медиа, действительного члена Евразийской академии телевидения и радио, члена редакционного совета Российской коммуникативной ассоциации, члена редколлегии «Международного журнала медиа и коммуникаций в Центральной Азии» Иосифа Дзялошинского.

ЛЕКЦИЯ № 2. ДЕМОКРАТИЯ: ВОЗРОЖДЕНИЕ, РЕФОРМАЦИЯ, ПРОСВЕЩЕНИЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

Иосиф Дзялошинский,
Академия коммуникации и информации (Россия)

Аннотация: Эпоха Возрождения и Новое время стали ключевыми этапами в развитии концепции демократии, заложив интеллектуальные, политические и социальные основы для её дальнейшего формирования. Этот период характеризовался глубокими изменениями в мировоззрении, социальных структурах и политических институтах. Мыслители Возрождения не только по-новому прочли античное наследие, но и предложили новые формы правления общественными процессами. Реформация также внесла вклад в демократизацию общественного сознания. Важным этапом в развитии демократических идей стала эпоха Просвещения: просветители провозгласили идею естественных, неотчуждаемых прав человека на жизнь, свободу, собственность и сопротивление угнетению. Новое время стало периодом грандиозной трансформации во всех сферах жизни не только европейского общества, но и остального мира.

Ключевые слова: демократия, Возрождение, Реформация, Просвещение, Новое время.

1. Эпоха Возрождения

С точки зрения отношения к демократии, эпоха Возрождения чрезвычайно противоречива. С одной стороны, характерный для Возрождения гуманистический пафос стимулировал интерес к демократическим практикам. Особенно это характерно для итальянских городов-республик. Здесь доминировали идеи патриотизма, служения государству на любом поприще, идеи общественной активности, основанной на подчинении частных интересов граждан общему благу. Гуманисты выступили против общепринятых в феодальном обществе аристократических представлений об исключительном благородстве дворянства и, стало быть, неблагородстве, нравственной неполноценности всех прочих людей. Подчеркивалось, что именно республиканские порядки дают личности возмож-

DOI:
https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi14.313

Цитировать:
Дзялошинский, Иосиф. 2026. ЛЕКЦИЯ № 2. ДЕМОКРАТИЯ: ВОЗРОЖДЕНИЕ, РЕФОРМАЦИЯ, ПРОСВЕЩЕНИЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ. Международный научный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии. 14: 100-124

ность наиболее полно раскрыть свои способности, что они наилучшим образом обеспечивают нравственное совершенствование отдельных граждан и общества в целом.

1.1. Флоренция

Родиной так понимаемого гражданского гуманизма стала Флорентийская республика. Во Флоренции, например, согласно конституции, принятой в 1250 г., вместе с подестой (главой администрации города) избирался из флорентийских граждан капитан народа, обладавший значительной военной и административной властью. По конституции 1293 г. гранды (крупные феодалы) изгонялись из городских магистратов. Они теперь могли участвовать в политической жизни, только если становились членами цехов. Политические права не имели и не получили не организованные в цехи бедняки. Зато преимущества с точки зрения политического управления получили разбогатевшие на торговле, ремесленничестве, финансовых операциях простолюдины или "жирные пополаны", объединенные в корпорации.

Главным политическим институтом флорентийской коммуны была синьория. При этом совет синьории играл роль законодательного собрания, а канцелярия синьории – роль исполнительного органа. Но в выборах этих вполне демократически устроенных органов власти участвовало только 5–6 тысяч граждан из 90-тысячного населения Флоренции XIV века.

Именно во Флоренции уже в XIV–XV веках наметился процесс раннекапиталистических отношений. Главную роль в бурном подъеме экономики города играло пополанство (бюргерство). Одержав победу в борьбе с феодальной знатью (грандами) и законодательно закрепив ее в "Установлениях справедливости" в 1293 г., пополанство сделало их основой политического развития города-коммуны. Однако в ходе социально-политического развития Флоренции в XIV и особенно в XV веках принципы ее конституционного устройства постепенно утрачивают свое значение. Обострение социальных противоречий, эволюция республики к олигархии и тирании при Медичи и, наконец, территориальные расширения Флорентийского государства в ходе экспансии – всё это оказало непосредственное влияние на формирование этико-политической идеологии гражданского гуманизма.

Основные принципы гражданского гуманизма четко прослеживаются в творчестве Л. Бруни, который называл себя Аретино (Сопов, Сопов, 2014, с. 36–38). В государственной системе города-республики Флоренции Л. Бруни акцентирует конституционные начала: магистратуры установлены для поддержания законности и правосудия, а в обязанности

должностных лиц входит контроль за тем, чтобы в городе не могла возникнуть власть, поставившая бы себя над законами. Надежной гарантией против установления тирании служит, по его мнению, система выборности всех государственных органов, краткосрочность исполнения должностей (так члены высшего органа – синьории – избирались на два месяца) и коллегиальность в принятии решений, когда “наличие большого числа суждений предотвращает ошибку” (Брагина, 1986, с. 9). “Три высшие коллегии, – подчеркивает Л. Бруни, – были неправомочны решать наиболее важные вопросы – многие из них выносились на обсуждение в Совет народа и Совет коммуны, что являлось разумным и правильным» (Брагина, 1986, с. 9). Свобода и справедливость, заключает он, поддерживаются, прежде всего, тем, что «ни один вопрос не может быть решен по желанию какого-либо отдельного лица вопреки мнению многих» (Брагина, 1986, с. 10).

Л. Бруни констатирует, что во Флоренции организация правосудия такова, что каждому обеспечено право собственности и свобода обращения в любую судебную инстанцию, вплоть до верховного трибунала. Л. Бруни не без гордости пишет: “...жалобы против людей любого звания можно подавать в этом городе совершенно свободно” (Брагина, 1986, с. 10), правосудие всегда готово прийти каждому на помощь. В роли справедливого судьи выступает сама государственная власть: если бедные терпят притеснения со стороны богатых, то на их защиту встает республика. Нарисованный гуманистом идеал города-государства отражал настроения широких слоев пополанства, сумевшего одержать победу над грандами. Пополанство гордилось этой победой и видело в республике надежную защитницу своих политических завоеваний и благосостояния. Однако идеал, воссозданный гуманистом, был далек от реальности, и это со временем отчетливо осознал сам Л. Бруни. В написанном спустя четверть века трактате “О флорентийском государстве” (около 1439 г.) он уже более беспристрастно оценивает государственный строй Флоренции, особенно если учесть, что в ту пору ожесточенная борьба за власть закончилась победой Медичи и республика постепенно утрачивала свои демократические свободы.

Сочинения Л. Бруни (Аретино), особенно его “История флорентийского народа”, оказали очень заметное влияние на общественно-политическую мысль его времени. Идеи гуманиста служили обоснованию государственной практики республики, о чем, в частности, свидетельствуют речи флорентийских магистратов, в которых часто встречаются прямые или скрытые ссылки на Л. Бруни, а многие его тезисы даже стали расхожими истинами (Сопов, URL).

Но не случайно А. Грамши в своих "Тюремных тетрадях" пишет: "До Макиавелли политическая наука выступала в форме, средней между схоластическим трактатом и утопией" (Грамши, 1959, с. 307). По-настоящему политическая теория родилась в творчестве Н. Макиавелли. Именно политическая мысль Н. Макиавелли, даже при всем его типично гуманистическом презрении к "черни", стала, по словам А. Грамши, одновременно и отрицанием гуманитарно-филологического Возрождения XV века, и утверждением "политической и национальной необходимости нового сближения с народом" (Грамши, 1959, с. 286).

Н. Макиавелли порывает с религиозным мировоззрением и резко выступает против теологических представлений о политике. Фортуна (судьба) у Н. Макиавелли – это не средневековое божественное предопределение, а объективная историческая необходимость и закономерность. В полном соответствии с гуманистическими принципами Возрождения он считает: "Чтобы не была потеряна свободная воля, можно полагать правдой, что судьба предопределяет половину наших действий, а другой половиной... она предоставляет управлять нам" (История…, 1983, с. 139).

Интересна социальная позиция Н. Макиавелли. Вот как он обличает господствующий класс феодального общества в своей книге "Рассуждения о первой декаде Тита Ливия": "Дворянами называются люди, праздно живущие обильными доходами со своих владений, не имея нужды заниматься земледелием или вообще трудиться, чтобы жить. Люди эти вредны во всякой республике и во всякой стране" (Макиавелли, 1869, с. 248). Н. Макиавелли резко порицает оплот феодализма – Римско-католическую церковь: "Наша религия, если и желает нам силы, то не на подвиги, а на терпение. Это учение обессилило мир и предало его в жертву мерзавцам. Когда люди ради рая предпочитают переносить всякие обиды, нежели мстить, для мерзавцев открывается обширное и безопасное поприще" (Макиавелли, 1869, с. 273). Однако Н. Макиавелли вовсе не считал, что необходимо отвергнуть религиозные верования. Более того, он говорил о том, "как необходимо сохранять значение религии" для удержания в государстве согласия и доброго порядка. Сам он не был правоверным христианином, однако полагал, что правители государств "должны поощрять и поддерживать всё, что благоприятствует религии, хотя бы и считали всё это обманом и ложью" (Макиавелли, 1869, с. 160).

Что касается демократии, то Н. Макиавелли считал, что народовластие ведет к полной распущенности. При народовластии "ни частные, ни общественные люди не внушали никакого почтения" (Макиавелли, 1973, с. 91) и все наносили друг

другу тысячи обид. Поэтому народовластие не может быть долговечным и сменяется монархией. Примечательна знаменитая XXVI глава "Государя" – "Призыв к освобождению Италии от варваров" – панегирик абсолютной монархической власти, которая одна способна освободить, объединить и преобразовать государство. Страна, с прискорбием констатирует Н. Макиавелли, пребывает в жалком состоянии: раздроблена, разбита, ограблена, истерзана, унижена. Она ждет "нового государя", который дал бы ей новую форму, новые законы и учреждения во славу себе и народу. Для подобных революционных преобразований демократически-легальные институты не годятся. Без насилия старый порядок не сдается. Необходима, утверждает Н. Макиавелли, единоличная диктатура, неизбежно кровавая, как временная переходная мера.

1.2. Венеция

Совсем по-другому складывалась ситуация в ренессансной Венеции, которая была островком политической стабильности и социального процветания. Даже в начале XVI века, после вторжения иностранных войск и превращения всей Италии в поле сражения между европейскими державами, Венеция, оказавшись в состоянии войны с Камбрийской лигой, объединившей основные силы Европы, после кратковременных неудач смогла быстро восстановить свои владения в Италии и, что самое существенное, сохранить практически без изменений политический строй и международный престиж.

Так, когда в 1517 г. турецкий посол Али Мохаммед, разговаривая с одним из официальных лиц Венеции, сказал, что для армии султана не будет слишком сложным построить мост к Венеции со стороны суши и завоевать город, ему ответили, что во время войны с Камбрийской лигой город, сражаясь в одиночку со всей Европой, не потерял ни одного человека убитым – всё было достигнуто только деньгами и жизнями нанятых иностранцев.

В республике культивировался "миф о Венеции", в соответствии с которым она являлась непосредственным наследником свобод времен Римской республики, никогда не была в подчинении иностранным государствам и представляет собой наиболее справедливое и свободное общество в мире, "третий Рим". "Венецианский миф" был широко распространен и за пределами Венеции, хотя политические враги республики много делали для того, чтобы создать и распространить "контрмиф" – то есть представить Венецию коррумпированной тиранической олигархией, держащей в страхе свое население и широко использующей политический террор и подкуп для осуществления своих целей в других государствах.

Свободная журналистика и газеты, индустриальный конвейер, публичные концерты и опера, структура дипломатической службы, наиболее распространенные сейчас методы налогообложения и множество других вещей, прочно вошедших в нашу жизнь и потому незаметных, были изобретены и внедрены в Венеции.

Если сравнить ренессансную Флоренцию с Венецией, то очевидным становится одна вещь: основой расцвета флорентийской ренессансной культуры стала личность творца. Достижения Флоренции персонализированы, существует даже какая-то гиперболизация независимости и славы личности: Леонардо, Микеланджело, Савонарола – это личности, а потом уже художники, писатели, политические или религиозные деятели. В Венеции личность исчезает под покровом анонимности. Весь образ жизни свидетельствовал об этом: патриции, носящие одинаковую темную одежду, стремление избежать какой-либо публичности даже в литературном творчестве, скрываясь за псевдонимами, и постоянное стремление скрыть лицо под маской – не только в переносном, но и в буквальном смысле. О личной жизни даже такого, казалось бы, склонного к "титанизму" в творчестве человека, как Тинторетто, известно довольно мало. Полководцы, опасающиеся своих побед, ибо излишняя известность может стать роковой для человека, за которым бдительно следит всепроникающий глаз власти, купцы и банкиры, избегающие выставлять напоказ свое богатство, исключительная церемониальность и процедурная отрегулированность политического механизма – всё это делало Венецию удивительным исключением среди средневековых и ренессансных государств Европы.

После "закрытия" в 1297 г. Большого Совета для всех, за исключением потомков примерно 300 семей, в республике образовалось политическое сословие, обладавшее монополией на власть, и этот факт сторонниками венецианского "контрмифа" интерпретировался как олигархическое правление. В то же время общее число членов Большого Совета составляло обычно 2000–2500 человек (все мужчины старше 25 лет, принадлежавшие к патрицианским семьям), что составляло около 5 процентов от взрослого мужского населения Венеции, то есть примерно столько же, сколько в процентном отношении было полноправных граждан в Афинах в век Перикла. Так что в строгом смысле такой политический режим трудно назвать олигархией. Кроме патрициев, в Венеции было довольно значительное число "граждан", имевших право работать в административном аппарате, не занимая "политических" постов, при этом за "гражданами" был зарезервирован ряд важнейших административных постов республики.

Большинство населения принадлежало к “народу” (popolo), не имевшему формальных прав, но мнение которого, тем не менее, внимательно учитывалось “политическим классом”.

Особой характеристикой, отличавшей политическое устройство Венеции от устройства современных ей государств, была исключительная институциональная сложность венецианской конституции.

Большой Совет выбирал 60 сенаторов. Еще 60 дополнительных членов выбирались Сенатом и одобрялись Большим Советом. Члены Совета Сорока (уголовного Суда) выбирались также Большим Советом и присоединялись к Сенату после 16 месяцев службы. Около 140 человек, представлявших различные политические органы республики, входили в Сенат с правом совещательного голоса. Именно Сенат был реальным “правительством” республики. Руководящий орган Сената из 16 человек назывался Collegio и был ответственен за ежедневные операции правительства. Вместе с синьорией, состоявшей из дожа, его шести советников и трех руководителей Совета Сорока, а также с членами Совета Десяти, избиравшимися на один год, Collegio составлял так называемый полный Collegio и был реальным сосредоточением политической власти в республике. Совет Десяти обладал колоссальной властью в связи с тем, что на него была возложена обязанность следить за политической безопасностью в республике, но в его заседаниях принимали участие и члены синьории. Совет Десяти в экстраординарных случаях мог присоединить к себе от пятнадцати до двадцати избранных ими патрициев (так называемую Zonta).

Дож выбирался пожизненно, обычно из числа 12 прокураторов Святого Марка – обладателей исключительно почетных пожизненных должностей, связанных с общественной благотворительностью. Процедура выборов дожа была невероятно сложна. Установленная окончательно в 1268 г., она предполагала следующее: сначала собирались члены Большого Совета старше 30 лет, которые выбирали 30 человек, принадлежавших к различным семьям. Затем эти 30 выбирали 9 человек, которые выбирали 40 человек. Эти 40 выбирали 12 человек, а эти 12 – 25. Они выбирали 9, а те – 45 человек. 45 человек выбирали 11, а эти 11 выбирали окончательный комитет по выборам 41 человека, которые и выбирали дожа. Обычно дожем выбирался весьма пожилой патриций, в возрасте 60–70 лет, прошедший все ступени государственной службы. Тем самым ограничивался срок его пребывания в должности: большинство дожей правили 10–15 лет. За 1071 год существования республики правили 119 дожей, то есть

средний срок правления был девять лет.

Несмотря на исключительный почет, окружавший дожа в «классический» период существования республики, после XIV века его власть была очень сильно ограничена, вплоть до того, что контролировалась даже его переписка. Никаких самостоятельных решений дож принимать не мог, но иногда его влияние на политику Венеции было огромным в силу персонального политического авторитета и высокой компетентности в делах.

В целом политическую систему республики можно характеризовать как правление многочисленных гражданских комитетов, связанных очень сложной системой сдержек и противовесов. Эти комитеты образовывали не «пирамиду власти» и не иерархию, но сеть горизонтальных отношений с регулярной и частой ротацией персоналий. Именно существование такой горизонтальной сети почти полностью обезличивало власть: для принятия решений синьория объединялась с Советом Десяти, Сенат – с Советом Сорока, Collegio Сената – с синьорией и Советом Десяти (Сергеев, 1999).

Описание политической системы республики будет неполным, если не включить в него систему гражданских ассоциаций – профессиональных гильдий и религиозных братств, официальной целью создания которых была благотворительная деятельность. До настоящего времени принципы и способы взаимодействия политических органов Венеции с гражданскими ассоциациями изучены явно недостаточно, но значительная роль этих ассоциаций в политической жизни республики несомненна.

Для понимания политического процесса в Венецианской республике необходима реконструкция внутреннего мира ее политиков. И то, что здесь обнаруживается, очень далеко от мотиваций представителей флорентийских цехов или генуэзских банкиров. Если там – необузданная жажда власти и обогащения, ведущая к непрерывным конфликтам внутри элиты, политической нестабильности, изгнаниям, революциям и нашествиям чужеземцев, то в Венеции – патриотизм, который выше раздоров, солидарность внутри политического класса и солидарность между этим классом и развитым гражданским обществом, политическая стабильность (Сергеев, 1999).

В отличие от большинства феодальных монархий, где наследственные иерархии постоянно ослаблялись в силу естественного старения и, в конце концов, просто рушились под давлением со стороны альтернативных иерархий, в Венеции высшая страта общества, будучи “закрытой” снизу, не образовала единой иерархии, напоминая, скорее, “бульон” из множества небольших иерархий, соединяющихся и разъе-

диняющихся по обстоятельствам. Столь гибкая система наверху позволяла в течение длительного времени сохранять управляемость в обществе. Институциональная сложность венецианской политической системы вполне соответствовала сложности социальной среды, в которую была погружена политическая система, что и обеспечивало стабильность и выживаемость режима на протяжении сотен лет.

Демократическая практика: выборы, существование независимых судов, разделение властей – образовала очень сложную и гибкую конструкцию, снабженную к тому же великолепным менеджментом в области сбора информации (знаменитая венецианская дипломатия и тайная полиция), но внутренний баланс политической системы и ее система сдержек и противовесов не позволяла эффективность спецслужб превратить в террор и тоталитаризм.

2. Реформация и Просвещение

2.1. Реформация

Существенное влияние на дальнейшее развитие демократических традиций оказала Реформация. Ключевыми политическими идеями Реформации провозглашались равенство перед Божьим судом и высшая истина, о которой может судить любой человек, знакомый с Евангелиями, и с этой позиции обличать неправедную власть. Мартин Лютер выступал против церковной иерархии, подчеркивая духовную свободу мирянина. Эти идеи, перенесенные на политическую почву, способствовали призывам к политическому равенству, участию в управлении и обретению политических прав. Жан Кальвин также продвигал идеи упрощения церковной организации и повышения роли индивидуальной веры. Реформация стала первым в истории Европы успешным социальным движением, выдвинувшим народные массы на авансцену политического развития. С этого времени массовое участие в политике стало приобретать широкий размах. И в первую очередь именно в Англии представительная власть стала обретать тот облик и формы, которые впоследствии, несколько столетий спустя, оказали определяющее влияние на практику представительного правления (Ялаева, URL).

2.2. Просвещение

Просвещение было историческим периодом (примерно между концом XVI и XVIII веками), который полностью изменил западную культуру. «Эпоха разума», как ее стали называть, была свидетелем того, как давно установившиеся монархии, религиозные институты, социальные системы и иерархии подвергались сомнению снизу, а также сопровождалась фи-

лософским поиском улучшения человека. Идеи свободы, разума и религиозной терпимости пронеслись по Европе, вызывая социальные потрясения, революции и перемены (Жучков, 1989; Клименко, URL).

В основе этой трансформации лежали идеи и практика нескольких невероятно влиятельных фигур, каждая из которых по-своему действительно изменила мир и то, как люди его видели. Мыслители эпохи Просвещения: Ф. Бэкон, Р. Декарт, Т. Гоббс, Дж. Локк, Вольтер, Б. Франклин, Ш.-Л. Монтескьё, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Т. Пейн, Д. Юм – по-разному подходили к идее демократии, и их взгляды часто были противоречивыми. Некоторые из них заложили основы современных демократических концепций. Другие опасались рисков, связанных с прямой властью народа. Третьих эта проблема не интересовала вовсе, но сам ход мысли так или иначе повлиял на дальнейшие оптимальные формы народовластия.

Так, например, Т. Гоббс не одобрял демократию, считая, что "черни недоступна большая мудрость" (Гоббс, 1991). Он полагал, что в условиях демократии неизбежно возникают партии, которые ведут к гражданской войне. Для него монархия была наиболее предпочтительной формой правления, так как она лучше всего соответствовала идеалу абсолютной и неразделенной власти.

Дж. Локк, напротив, внес значительный вклад в развитие демократических идей, хотя и не занимался специальными исследованиями демократии в современном понимании. В "Двух трактатах о государственном правлении" (Локк, 1988) он выдвинул концепцию народного суверенитета и утверждал, что правительство может быть легитимным только при согласии управляемых. Дж. Локк также провозглашал право народа на сопротивление власти, если она нарушает общественный договор. Его идеи о защите естественных прав (на жизнь, свободу, собственность) и разделении властей стали фундаментом для либеральной демократии.

Ш.-Л. Монтескьё различал понятия "власть народа" и "свобода народа", предупреждая, что в демократии власть большинства может перерасти в деспотизм. (Монтескьё, 1999). Он считал представительную демократию наиболее практичной формой, так как прямое правление всех граждан технически сложно реализовать даже в небольших государствах, а в крупных — невозможно. В качестве ключевого механизма защиты свободы он видел разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, чтобы они взаимно сдерживали друг друга.

Ж.-Ж. Руссо был убежденным сторонником демократии. В трактате "Об общественном договоре" (Руссо, 1998) он

выдвинул концепцию народного суверенитета и общей воли, которая, по его мнению, выражает подлинное общее благо. Ж.-Ж. Руссо считал, что истинная свобода и справедливость достижимы только при условии, что вся власть принадлежит народу и он сам принимает законы. Он выступал за прямую демократию, полагая, что народовластие должно быть постоянным, но признавал, что это возможно лишь в небольших государствах.

В книге Я. Тальмона "Истоки тоталитарной демократии" (Talmon, 1955) утверждается, что с XVIII века в философии развиваются два демократических течения:

1) либеральное видит политику как череду проб и ошибок, а политические системы – как результат спонтанной человеческой деятельности;

2) тоталитарное отталкивается от принятия примата истины в политике, то есть рассматривает сложившийся порядок как идеальный, совершенный.

Оба течения признают высшую ценность свободы, но либеральная демократия видит ее в отсутствии принуждения, а тоталитарная – в стремлении к достижению высшей коллективной цели.

Одним из основоположников тоталитарной демократии Я. Тальмон считает именно Ж.-Ж. Руссо. Я. Тальмон полагает, что ключевым пунктом, подтверждающим тоталитарное мышление Ж.-Ж. Руссо, является двойственное отношение просветителя к свободе. С одной стороны, личность действует согласно собственной воле, а с другой – ее всё время вынуждают соответствовать некоему объективному критерию. Иначе говоря, в трактовке Я. Тальмона, Ж.-Ж. Руссо заставляет человека подчиняться внешней силе, отказывая в праве сопротивляться на основании того, что в действительности его не принуждают, а лишь помогают перешагнуть через инстинкт, в мир осознанной свободы, подчинения эгоистичных стремлений разуму. Концепция общей воли также становится ключевой для понимания того, почему Ж.-Ж. Руссо часто видят идеологом тоталитаризма (Talmon, 1955).

Сам Ж.-Ж. Руссо писал: "Если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным. Ибо таково условие, которое, подчиняя каждого гражданина отечеству, одновременно тем самым ограждает его от всякой личной зависимости" (Руссо, 1969, с. 1641). Руссо много требует от гражданина: "Если государь скажет гражданину: 'Государству необходимо, чтобы ты умер', – то он должен умереть" (Руссо, 1969, с. 1751).

Я. Тальмон отмечает, что общая воля у Ж.-Ж. Руссо по-

добна математической истине или идее Платона. Она существует объективно, сама по себе, вне зависимости от того, сознается она или нет. Однако человеческий ум должен открыть ее для себя. Человеку требуется не дать оценку конкретному предложению, а проверить, согласуется оно с общей волей или нет. Свобода же состоит в том, чтобы избавиться от интересов, симпатий и предрассудков, личных и коллективных, которые препятствуют осознанию того, чего человек должен хотеть по своей природе. Народ, как и человек, должен в конечном итоге выбрать свободу, а если этого не происходит, его следует принудить к свободе. Общая воля играет решающую роль, однако цель политической жизни состоит в воспитании таким образом, чтобы люди сами желали следовать общей воле без какого-либо принуждения. Следует изменить природу человека и уничтожить человеческий эгоизм. Индивидуализм должен смениться коллективизмом, эгоизм – добродетелью, заключающейся в соответствии личности общей воле. Законодатель должен отобрать у человека старые ресурсы и наделить его новыми так, чтобы он не мог пользоваться ими единолично, а только при участии других людей. По мнению Я. Тальмона, Ж.-Ж. Руссо не дает человеку возможности для саморазвития и самовыражения, выступая за полное растворение личности в толпе, беспрекословное подчинение во имя общей цели, отказ от частных интересов (Talmon, 1955).

И. Берлин также считал подход Ж.-Ж. Руссо извращенным толкованием свободы, подразумевающей самостоятельное принятие решений, а не подчинение другим людям или силам природы. По мнению И. Берлина, человек способен сам адекватно оценить риски, определить задачи и стратегию, ведь это следствие разума, которым человек, несомненно, обладает. Самое главное – считать себя разумным, наделенным волей существом, несущим ответственность за свой выбор и способным его обосновать с точки зрения своих идей и целей (Берлин, 2001, с. 51). В учении Ж.-Ж. Руссо, по мнению И. Берлина, нет места плюрализму и автономии. Общество принуждает индивида к реализации свободы силой. И. Берлин обращает внимание на то, что, по мысли самого Ж.-Ж. Руссо, если один человек проголосовал так, а другие иначе, этот человек должен признать собственную ошибку. Таким образом, чего хочет индивид, на самом деле решает общество. И. Берлин видит в подобных деталях описание тоталитарного общества, тирании большинства. ‘Манипулируя людьми, толкая их к целям, которые видны нам, социальным реформаторам, а им не видны, мы обращаемся с ними как с безвольными объектами, а значит, их разлагаем. Обманывая людей, используя их для наших, а не ими самими поставленными целей, мы, в

сущности, поступаем с ними как с недочеловеками, словно их цели менее окончательным и святы, чем наши. Во имя чего я заставляю других делать то, чего они делать не хотели и на что не согласились? Только во имя какой-то ценности, более высокой, чем они сами" (Берлин, 2001, с. 51). Вольтер, хотя и не был демократом в классическом смысле, критиковал абсолютизм и выступал за реформы, проводимые просвещённым монархом ("королём-философом"). Он опасался "власти толпы" и не верил в способность необразованной массы принимать мудрые решения.

3. Новое время. Идеи демократии у философов Нового времени

Понятие "Новое время" носит довольно условный характер. Обычно история Нового времени начинает отсчет с XVI века и заканчивается началом XX века. Стоит напомнить, что вовлечение в политическую жизнь основной части населения на регулярной и определяемой правом основе связано с возникновением и утверждением в XVIII–XIX веках в Северной Америке и Европе современных форм демократического политического устройства. Институты современной демократии (родиной которых стала Великобритания эпохи Славной Революции 1688 года) получили бурное развитие в момент создания Соединенных Штатов Америки. Следующим важным этапом стала Великая Французская революция. После Великой Французской революции демократия сначала становится понятием, отражающим определенное направление мысли, затем – обозначением социального движения, целью которого было участие народа в принятии решений.

Эту эпоху принято разделять на два больших периода. Первый начинается эпохой Великих географических открытий и завершается Великой французской революцией конца XVIII века. Второй период охватывает XIX век и начало XX века. Рубежным событием Нового и Новейшего времени является Первая мировая война 1914–1918 гг.

Новое время стало периодом грандиозной трансформации во всех сферах жизни не только европейского общества, но и остального мира. Огромное влияние на последующее развитие различных моделей демократии оказали И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс.

У И. Канта было довольно сложное и критическое отношение к демократии. Он не отвергал идею народного правления в целом, но резко критиковал именно демократию в том виде, в каком она существовала в его эпоху (власть большинства, часто в ущерб меньшинствам), и противопоставлял ей свою идею республики. Основные мысли он изложил в трак-

тате “К вечному миру” (Кант, 1989).

По мнению И. Канта, следует различать форму господства (сколько человек обладает верховной властью: автократия, аристократия, демократия) и форму правления (как эта власть реализуется, как устроены конституция и распределение полномочий). Демократия для него – это форма господства, где власть принадлежит народу. Но проблема в том, что при демократии, по И. Канту, возникает парадокс: формально решают все, но на деле не все (потому что меньшинство, права которого ущемляются, по сути остается вне процесса). Он формулирует это так: “...демократия в собственном смысле слова есть неизбежно деспотизм, так как она устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают об одном и во всяком случае против одного (который, следовательно, не согласен), стало быть, решают все, которые тем не менее не все, – это противоречие общей воли с самой собой и со свободой” (Гришин, Шередега, URL).

И. Кант видел в такой демократии угрозу свободе. Когда воля большинства подавляет несогласие, это и есть деспотизм – только в форме самовластия большинства. Он также отмечал, что демократия плохо совместима с представительной системой. В демократии хотят властвовать все, а это, по И. Канту, противоречит самой идее делегирования полномочий избранникам, которая лежит в основе представительного правления. При этом И. Кант высоко ценил республику как форму правления. В его понимании республика – это не просто форма, а состояние, при котором закон одинаково действует для всех, а свобода каждого ограничена только свободой других. Он выделял три принципа, которые делают устройство республиканским (Краузе, 2013; Накамура, 2013):

1) свобода каждого члена общества (как человека);
2) равенство всех перед законом (как подданных);
3) самостоятельность каждого гражданина как участника общего правового порядка.

Что касается Г. В. Ф. Гегеля, то известно, что высшей формой государственного устройства он считал конституционную монархию, где три власти (законодательная, правительственная и княжеская) образуют органическое единство. При этом ключевую роль он отдавал наследственному монарху как носителю всеобщего интереса, стоящему выше частных интересов сословий. Понятно, что, с этой точки зрения, демократия была для Г. В. Ф. Гегеля не столько формой правления, сколько опасной стихией, где доминирование частного интереса над всеобщим разрушает государственное единство. Он считал, что разумное государство должно быть иерархичным, с четким разделением функций и опорой на подготовленные,

ответственные сословия, а не на стихийное волеизъявление большинства. Г. В. Ф. Гегель опасался, что в условиях демократии воля большинства может подменять собой разумную государственную волю. Он считал, что разум частного лица, его моральный интеллект, который формируется культурой и образованием, противостоит эгоистическим устремлениям. В демократии же, где доминирует частное начало, существует риск, что интересы отдельных групп возобладают над общими (Гегель, 1990).

Г. В. Ф. Гегель очень прозорливо указывал на то, что в сознании избирателя присутствует ощущение незначительности поданного голоса. Это, по его мнению, подрывает мотивацию участвовать в выборах, что ведет к апатии и даже к давлению на избирателей. Кроме того, Г. В. Ф. Гегель видел в демократии склонность к господству "политической болтовни" и "многознайства", которые подрывают нравственное единство народа. Он опасался, что в такой атмосфере легко возникают крайности: либо деспотизм, либо анархия. Он также считал, что демократия с её требованием живого обсуждения и полемики подходит лишь для небольших государств, где политический мир обозрим для каждого гражданина. В больших государствах интересы людей слишком разнородны и противоречивы, что делает демократическое правление неэффективным (Каримский, 1988).

Несмотря на довольно жесткую критику, Г. В. Ф. Гегель не отрицал участия граждан в управлении. В "Философии права" он предлагал модель сословного представительства, где Верхняя палата формируется по наследственному принципу (например, из владельцев майоратов) и служит связующим звеном между монархом и обществом, а Нижняя палата формируется по корпорациям и товариществам (от "подвижной стороны гражданского общества" – торговцев, ремесленников), а не путем индивидуального голосования (Гегель, 1990). Таким образом, Г. В. Ф. Гегель стремился примирить противоположные интересы через систему опосредствующих звеньев (сословий), а не через прямое народное правление.

Отношение К. Маркса к демократии также было сложным и противоречивым: он высоко ценил демократию как принцип, но резко критиковал её реальные, буржуазные формы. В своих ранних работах К. Маркс утверждал, что единственно правомерным суверенитетом является суверенитет народа. Он писал, что демократия "исходит из человека и превращает государство в объективированного человека" (Маркс, URL). Для него демократия была формой политического самоопределения народа, при которой государство становится "собственным делом" народа, а не отчужденным от него ин-

ститутом. К. Маркс рассматривал демократию как гуманистический принцип, который должен учитывать действительные интересы как всего народа, так и каждого отдельного человека. Истинная демократия, по его мысли, – это не просто власть большинства, а власть всех, общественное устройство для всех (Маркс, URL).

Однако К. Маркс резко критиковал буржуазную демократию, которая, как он считал, была лишь "фасадом равенства". Он указывал, что в условиях капитализма формальное политическое равенство иллюзорно, так как реальная власть принадлежит экономически господствующему классу – буржуазии. Высокий уровень социального неравенства при капитализме превращал политическое участие в фикцию, поскольку неимущие массы были отчуждены от управления государством. К. Маркс использовал яркие образы, такие как "хлев буржуазного парламента" или "парламентский кретинизм", чтобы описать механизм, при котором угнетенным лишь раз в несколько лет позволяли выбрать представителей, которые затем будут подавлять их интересы в парламенте (Кабанцов, 2025).

К. Маркс писал, что переходный период от капитализма к коммунизму неизбежно связан с государством в форме революционной диктатуры пролетариата. Это необходимый этап для подавления сопротивления классовых врагов и построения нового общества. Но он также утверждал, что чем полнее будет демократия в коммунистическом обществе, тем быстрее исчезнет надобность в государстве вообще, а вместе с ним – и в демократии как особом политическом институте (Маркс, 1989).

Таким образом, К. Маркс не отрицал демократию как идею, но видел её подлинное воплощение только в бесклассовом коммунистическом обществе. В условиях же капитализма демократия, по его мнению, служит инструментом маскировки классового господства буржуазии.

4. Классические концепции демократии Нового времени

4.1. Индивидуалистические концепции демократии.

К ним относятся концепции, принимающие за основу политической власти индивида, личность, и рассматривающие подлинным субъектом демократии отдельных граждан. В них делается акцент на вопросе "Как править?". Это означает подход к определению демократии с точки зрения ее технологии, а именно механизма участия субъектов (членов сообществ) в политической жизни, в принятии политических решений. Данные теории рассматривают демократию больше не в сущностном, а в технологическом плане. Демократия определяется как система власти и форма правления, не тождественная

правлению самого народа, а являющаяся властью для народа. Правящим субъектом является не народ, а его представители. В такой интерпретации демократия представляет конкуренцию равноправных по отношению к власти политических сил с неопределяемыми заранее результатами. Массам, как подчеркивал М. Вебер, предоставляется возможность выбирать между конкурирующими элитами, а также возможность оказания им поддержки (Вебер, 1990).

М. Вебер считал выборы необходимым условием существования современного государства, поскольку они легитимизируют власть и обеспечивают сменяемость политических элит. Через выборы реализуется принцип разделения властей, формируется сильный и конкурентоспособный парламент, а эффективность бюрократического аппарата повышается. М. Вебер был одним из первых мыслителей, последовательно отстаивавших идею всеобщего и равного избирательного права. Он выступал за отмену имущественных и профессиональных цензов, чтобы исключить влияние социального неравенства на избирательный процесс и не допустить формирования замкнутых сословных “клик” в парламенте. М. Вебер критиковал парламентаризм, при котором лидеры выбираются парламентом, а не всенародным голосованием. Он считал, что прямые и всеобщие выборы президента позволяют поставить во главе государства “политика по призванию”, обладающего рациональным мышлением и лидерскими качествами. При этом избранный президент, выражая волю народа, может выступать противовесом бюрократизированному правительству. Такой режим М. Вебер называл “плебисцитарной лидерской демократией”. Таким образом, М. Вебер видел в выборах не просто формальную процедуру, а сложный механизм, требующий ответственного подхода как со стороны лидеров, так и со стороны граждан. Он подчеркивал, что подлинная демократия невозможна без всеобщего избирательного права, но одновременно нуждалась в сильном, рациональном лидере, способном уравновешивать бюрократическое давление (Вебер, 1990).

Таким образом, индивидуалистические концепции вопрос о критериях демократии сводят в основном к процедурам (технологии), с помощью которых мыслится ограничение поля действия государственной власти. В числе таких процедур – децентрализация власти, создание альтернативных источников власти и других механизмов сдержек и противовесов.

4.2. Либеральная демократия

Либеральная демократия является формой общественно-по-

литического устройства – правовым государством на основе представительной демократии, в котором воля большинства и способность избранных представителей осуществлять власть ограничены во имя защиты прав меньшинства и свобод отдельных граждан.

Либеральная демократия ставит своей целью равное обеспечение каждому гражданину следующих прав и свобод:

- права на соблюдение надлежащих правовых процедур;
- права на частную собственность;
- права на неприкосновенность личной жизни;
- свободы слова;
- свободы собраний;
- свободы вероисповедания.

Эти либеральные права и свободы закреплены в высших законах (таких, как конституция или статут) либо в прецедентных решениях, вынесенных верховными судебными инстанциями, которые, в свою очередь, наделяют различные государственные и общественные органы полномочиями с целью обеспечения этих прав и свобод.

Характерным элементом либеральной демократии является «открытое общество», характеризуемое терпимостью, плюрализмом, сосуществованием и конкуренцией самого широкого спектра общественно-политических взглядов. Благодаря периодически проводимым выборам, каждая из групп, придерживающихся различных взглядов, имеет шанс получить власть. На практике экстремистские или маргинальные точки зрения крайне редко играют значительную роль в демократическом процессе. Однако модель открытого общества затрудняет консервацию власти правящей элитой, гарантирует возможность бескровной смены власти и создает стимулы, чтобы правительство гибко реагировало на запросы общества.

4.3. Технологическая концепция демократии

Технологическая концепция демократии была, в частности, предложена Й. Шумпетером. Будучи сторонником методологического и политического индивидуализма, он считал, что в анализе политического процесса следует исходить из интересов, целей и ценностей не общественных групп, а индивида. Отсюда сущность демократического порядка заключается в том, что индивиды приобретают право участвовать в политике, делать политику, конкурируя в борьбе за голоса избирателей. Демократия – это правление политиков, а не народа. Самое важное в демократии – всеобщее голосование, соперничество партий и регулярные выборы.

Важным компонентом демократического общества, по мнению Й. Шумпетера, является возможность ограничения

решений политических лидеров рамками их непосредственной компетенции. Они, с одной стороны, должны принимать политические решения, но, с другой, не должны подменять компетентность людей в других областях человеческой деятельности и не делать ее предметом политической демагогии и конкуренции.

Правительства, избранные демократическим методом, должны иметь возможность во всех сферах государственной деятельности контролировать хорошо подготовленную бюрократию, имеющую высокий статус и исторические традиции, обладающую развитым чувством долга и чувством чести мундира. В этой связи Й. Шумпетер отмечает, что существование бюрократии является продуктом длительного развития, которое шло на протяжении столетий до тех пор, пока не возник мощный механизм, который мы видим сейчас. Его нельзя создать в спешке, его нельзя нанять за деньги, но он существует везде, какой бы политический строй ни избрала нация (Шумпетер, 2007, с. 639).

4.4. Коллективистская демократия

Преодолеть недостатки либерального государства пытаются концепции и реальная модель коллективистской демократии. Коллективистские концепции демократии в качестве критерия демократии подчеркивают в первую очередь уровень массовости непосредственного участия граждан в управлении государством. Так, например, теория демократии Ж.-Ж. Руссо, о которой уже шла речь выше, исходит из принадлежности всей власти народу, образованному путем добровольного слияния изолированных, атомизированных индивидов в единое целое. Формирование народа означает полное отчуждение “каждого из членов ассоциации со всеми правами в пользу своей общины” (Руссо, 1969). С этого момента личность утрачивает свои права. Они становятся ей не нужны, так как целое – государство, – подобно любому другому живому организму, заботится о своих членах, которые, в свою очередь, обязаны заботиться о благе государства.

4.5. Социалистическая демократия

У этой концепции есть несколько версий.

4.5.1. Советская версия.

В советской традиции (особенно в период существования СССР) под социалистической демократией понимали новый, “высший” тип демократии, который возникает после перехода власти к рабочему классу. Её суть в том, что она не просто провозглашает права и свободы, а гарантирует их на практике благодаря общественной собственности на средства про-

изводства. То есть в отличие от “буржуазной демократии”, где формальные права могут оставаться недоступными для большинства из-за экономического неравенства, здесь центр тяжести смещен на реальные гарантии. Этими гарантиями считались:

• равноправие всех граждан независимо от пола, национальности, социального происхождения;

• широкие права и свободы – не только политические (свобода слова, собраний), но и социально-экономические (право на труд, отдых, бесплатное образование и медицину, материальное обеспечение в старости или при болезни);

• сочетание представительной и непосредственной демократии (работа Советов, система народного контроля, всенародные обсуждения законов, референдумы);

• руководящая роль Коммунистической партии – она рассматривалась как авангард рабочего класса и всех трудящихся (Ленин, 1969; Яковлев, 2013).

На практике реализация социалистической концепции демократии сталкивалась с трудностями. В реальных политических системах (как в СССР) институты социалистической демократии нередко использовались для маскировки власти партийной бюрократии: безальтернативные выборы, формальный характер многих институтов, нарушения прав и свобод на практике. Поэтому, когда сегодня говорят о «социалистической демократии», важно разделять нормативную модель (как её видели теоретики) и реальный исторический опыт.

4.5.2. Версия левых европейских теоретиков

Для некоторых западных социал-демократов, неомарксистов или представителей других левых течений социалистическая демократия – это не просто характеристика реального строя, а нормативная модель. Её суть в том, что демократические принципы (участие людей в управлении, равенство, учет интересов коллектива) должны распространяться не только на политику, но и на экономику, труд, культуру. Достичь этого предполагается за счет общественной собственности на средства производства – чтобы убрать ограничения, которые создает частная собственность и власть собственников. Сторонники такого подхода часто критиковали “реальный социализм” в СССР и других странах: они указывали, что монополия одной партии на власть и отсутствие политического плюрализма деформируют идею, и считали, что подлинная социалистическая демократия требует ликвидации этой монополии и развития политического и идеологического многообразия (Курс социальной демократии, 2010; Курс социальной демократии,

2012; Майер, 1993).

Подводя итог, следует констатировать, что современные демократические институты и процедуры во многом и очень существенно отличаются от первых – античных – образцов. Политические процессы развиваются в контексте и масштабе не античного полиса, а современного национального государства. Это ведет к кардинальному переосмыслению содержания демократии. Античный демос состоял в лучшем случае из нескольких тысяч человек, что обусловливало прямые формы демократического волеизъявления и правления. Понятно, что это невозможно там, где численность населения измеряется миллионами. Переход к массовой демократии, то есть к распространению гражданских и политических прав практически на всю массу населения, закономерно привел к необходимости введения процедуры делегирования власти, то есть передачи определенными группами населения своих властных полномочий какому-то конкретному их представителю. Реализация народного суверенитета через выбранных представителей превратилась в необходимое и обязательное условие практического осуществления демократических процедур. Прямое демократическое правление путем непосредственного волеизъявления граждан осталось в античном прошлом – за исключением редкой практики проведения плебисцитов или референдумов.

Кроме того, в процессе исторического развития произошла диверсификация самого демоса, который распался на отдельные группы интересов, возникшие на основе экономических, этнических, социальных, профессиональных и иных различий. Первоначальная античная гомогенность (хотя бы в идеале!) относительно немногочисленного демоса, объединенного территорией города, общим языком, религией, расой, историей и т. д., становится в последние столетия практически невозможной.

В XVIII–XIX веках понятие и практика демократии начинает постепенно включать в себя всё больше и больше субъектов и лишь (и тоже постепенно) в XX веке – большинство населения. Демократия стала пониматься не как власть демоса (т. е. ограниченного круга лиц), а как власть действительного большинства. Этот принцип нашел свое отражение во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

В XX веке демократия становится плюралистической. Утверждается принципиально новый, отличный от предложенного Ж.-Ж. Руссо, подход в понимании демократии, суть которого заключается в том, что признается неизбежность и естественность политических разногласий, противоречий, конфликтов и отвергается единомыслие и безальтернатив-

ность. Мажоритарность (правление большинства) начинает сочетаться с уважением к оппозиции и конституционными гарантиями индивидуальных прав и свобод.

Очень интересно охарактеризовал демократию Н. А. Бердяев, который писал о том, что демократия есть наименее утопическая форма, наименее абсолютная, наиболее соответствующая греховной природе человека. Демократия не есть идеал, ибо по существу своему демократия есть переходное состояние, она не знает истины и не подчиняет себя ей (Бердяев, URL). Впрочем, оставаясь верным себе, Н. А. Бердяев дальше писал о том, что сознательно идти мы должны не к теократии, не к религиозной монархии, как и не к религиозной, абсолютизированной демократии, а к Царству Божьему, которое несоизмеримо с формами мира сего, но путь к которому лежит через реальную христианизацию общества.
(Бердяев, URL).

Список литературы:

Бердяев, Н. А. Дневник философа. URL: http://www.odinblago.ru/path/6/12

Берлин, И. 2001. Философия свободы. Европа. Москва. Новое литературное обозрение.

Брагина, Л. М. 1986. Социально-политические идеи в итальянском гуманизме XV в. Культура Возрождения и общество. Москва.

Вебер, М. 1990. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. Москва. Прогресс.

Гегель, Г. В. Ф. 1990. Философия права. Москва.

Гоббс, Т. 1991. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Сочинения в двух томах. Том 2. Москва.

Грамши, А. 1959. Избранные произведения. Том 3. Москва. Иностранная литература.

Гришин, Н. В., Шередега, Н. В. Современный взгляд на работу Канта «К вечному миру». URL: https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH01c54819dbd83c29bfad11d7

Жучков, В. А. 1989. Немецкая философия раннего Просвещения (конец XVII — начало XVIII в.). Москва.

История политических и правовых учений. 1983. Москва.

Кабанцов, В. С. 2025. Политико-правовые взгляды Карла Маркса. Новый юридический вестник. № 4(46).

Кант, И. 1989. К вечному миру. Москва. Московский рабочий.

Каримский, А. М. 1988. Философия истории Гегеля. Москва. Издательство МГУ.

Клименко, Е. В. Концепция свободы: от Просвещения к либерализму. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-svobody-ot-prosvescheniya-k-liberalizmu

Краузе, И. 2013. Кант и его время: трактат «К Вечному Миру» на фоне французской революции и последующих войн. Кантовский сбор-

ник. Выпуск № 1(43).

Курс социальной демократии. Основы социальной демократии. Часть первая. 2010. Москва. РОССПЭН.

Курс социальной демократии. Экономика и социальная демократия. Часть вторая. 2012. Москва. РОССПЭН.

Ленин, В. И. 1969. Государство и революция. Полное собрание сочинений. Том 33. Москва. Политиздат.

Локк, Дж. 1988. Два трактата о правлении. Книга вторая. Сочинения в трех томах. Том 3. Москва. Мысль.

Майер, Т. 1993. Демократический социализм – социальная демократия. Введение. Москва. Республика.

Макиавелли, Н. 1869. Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. Санкт-Петербург.

Макиавелли, Н. 1973. История Флоренции. Ленинград.

Маркс, К. 1989. Критика Готской программы. Москва. Политиздат.

Маркс, К. К критике гегелевской философии права. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Marks_K%20kriike.pdf

Монтескьё, Ш.-Л. 1999. О духе законов. Москва. Мысль.

Накамура, Х. 2013. Путь Канта к вечному миру в XXI веке. Кантовский сборник. Выпуск № 4(46).

Руссо, Ж.-Ж. 1969. Трактаты. Москва. Наука.

Руссо, Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре. Трактаты. Москва. Канон-Пресс-Ц Кучково поле.

Сергеев, В. М. 1999. Демократия как переговорный процесс. Москва. Московский общественный научный фонд.

Сопов, А. В. Расцвет политической мысли Возрождения. От «Гражданского гуманизма» Аретино к «Государственному интересу» Макиавелли. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rastsvet-politicheskoy-mysli-vozrozhdeniya-ot-grazhdanskogo-gumanizma-aretino-k-gosudarstvennomu-interesu-makiavelli

Сопов, А. В., Сопов, М. А. 2014. Зарождение «гражданского гуманизма» в творчестве Колюччо Салютати. Основные проблемы общественных наук. Волгоград.

Шумпетер, Й. А. 2007. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. Москва.

Яковлев, М. В. 2013. Факторы формирования особенностей российской модели демократии. Вестник Башкирского университета. Том 18. № 1.

Ялаева, К. Т. Развитие демократии в современном мире в свете теории «волн демократизации». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-demokratii-v-sovremennom-mire-v-svete-teorii-voln-demokratizatsii

Talmon, J. L. 1955. The Origins of Totalitarian Democracy. London. Secker and Warburg. URL: http://rousseaustudies.free.fr/ReeditionTalmon.htm

Об авторе:
Дзялошинский Иосиф Михайлович (Москва, Россия) – доктор филологических наук, проректор по науке Академии коммуникации и информации, член Правления Национальной ассоциации исследователей массмедиа, действительный член Евразийской академии телевидения и радио, член редакционного совета Российской коммуникативной ассоциации, imd2000@yandex.ru.

LECTURE #2. DEMOCRACY: RENAISSANCE, REFORMATION, ENLIGHTENMENT AND MODERN AGE

Abstract: The Renaissance and Modern Age were key stages in the development of the concept of democracy, laying the intellectual, political, and social foundations for its subsequent formation. These periods were characterized by profound changes in worldviews, social structures, and political institutions. Renaissance thinkers not only reinterpreted the ancient heritage but also proposed new forms of governance over social processes. The Reformation also contributed to the democratization of public consciousness. The Age of Enlightenment marked a significant stage in the development of democratic ideas: the Enlightenment proclaimed the idea of natural, inalienable human rights to life, liberty, property, and resistance to oppression. The Modern Age became a period of profound transformation in all spheres of life, not only in European society but also throughout the rest of the world.
Key words: democracy, Renaissance, Reformation, Enlightenment, Modern Age.

About the author:
Dzialoshinskii Iosif Mihailovich (Moscow, Russian Federation) — Dr. of Philol., vice-rector for Science of the Academy of Communication and Information, member of the board of the National Association of Mass Media Researchers, full member of the Eurasian Academy of Television and Radio, member of the editorial board of the Russian Communication Association (imd2000@yandex.ru).

2-MA'RUZA. DEMOKRATIYA: RENESSANS, REFORMATSIYA, MA'RIFATCHILIK VA YANGI DAVR

Annotatsiya: Renessans va Yangi davr demokratiya konsepsiyasining rivojlanishida, uning keyingi shakllanishi uchun intellektual, siyosiy va ijtimoiy poydevor yaratishda muhim bosqichlar bo'ldi. Bu davrlar dunyoqarash, ijtimoiy tuzilmalar va siyosiy institutlarda chuqur o'zgarishlar yuz berishi bilan ajralib turdi. Renessans mutafakkirlari nafaqat qadimgi merosni qayta talqin qildilar, balki ijtimoiy jarayonlarni boshqarishning yangi shakllarini ham taklif etdilar. Reformatsiya ham jamoat ongining demokratlashuviga hissa qo'shdi. Ma'rifatchilik davri demokratik g'oyalar rivojida alohida bosqich bo'ldi: Ma'rifatchilik insonning hayot, erkinlik, mulkka bo'lgan tabiiy va daxlsiz huquqlarini hamda zulmga qarshi turish g'oyasini e'lon qildi. Yangi davr nafaqat Yevropa jamiyatida, balki butun dunyoda hayotning barcha jabhalarida chuqur transformatsiyalar davriga aylandi.
Kalit so'zlar: demokratiya, Renessans, Reformatsiya, Ma'rifatchilik, Yangi davr.

Muallif haqida:
Dzialoshinskii Iosif Mihailovich (Moskva, Rossiya Federatsiyasi) – Filologiya fanlari doktori, Aloqa va axborotlashtirish Akademiyasining ilmiy ishlar bo‘yicha prorektori, Ommaviy axborot vositalari tadqiqotchilari Milliy assotsiatsiyasi kengashi a’zosi, Evroosiyo televideniye va radio Akademiyasining haqiqiy a’zosi, Rossiya aloqa assotsiatsiyasi tahririyati a’zosi, imd2000@yandex.ru